

DOI 10.15826/izv2.2018.20.1.009

УДК 821.161.1 Шаршун + 82.091 + 7.036

М. В. Ткаченко*ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН
Санкт-Петербург, Россия*

ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО С. И. ШАРШУНА: ОБЗОР НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Настоящая статья представляет собой краткий обзор научных исследований, посвященных литературному творчеству С. И. Шаршуна. Сергей (Серж) Шаршун давно получил известность как художник-абстракционист, который был тесно связан с движениями дадаизма и сюрреализма. В течение нескольких десятилетий он участвовал в многочисленных выставках. Его художественному творчеству был посвящен ряд статей, каталогов и монографий. Однако Шаршун оставил также довольно обширное литературное наследие, которое включает в себя тексты на русском и французском языках. В рассмотренных здесь немногочисленных, на первый взгляд, трудах отечественных и зарубежных ученых раскрывается основная проблематика литературных произведений русского эмигранта.

В поле зрения исследователей оказываются такие вопросы, как особенности поэтики и генезис идейного мира писателя. Ими определяются истоки становления уникальной творческой манеры Шаршуна: от авангардистского эксперимента до традиций классической русской литературы. Раскрывается жанровое своеобразие эпопеи «Герой интересней романа» и роль «магического реализма» в его творчестве. Представлен анализ нарративной структуры и особенностей автобиографического пространства произведений. Значительное внимание уделяется установлению интертекстуальных связей литературного творчества Шаршуна и выявлению эксплицитного и имплицитного уровней интертекстуальности солипсического романа «Путь правый». Немаловажным является и описание роли Шаршуна в диалоге культур, его участия в литературно-художественном кружке «Гатарапак» и парижской «Палате поэтов».

Целью настоящей работы является обзор научных трудов о литературном творчестве С. И. Шаршуна и формирование представления о различных подходах к анализу его писательской манеры.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Сергей (Серж) Шаршун; литература русского зарубежья; авангард; дада; сюрреализм; магический реализм; диалог культур.

Ц и т и р о в а н и е: *Ткаченко М. В.* Литературное творчество С. И. Шаршуна: обзор научных исследований // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2018. Т. 20. № 1 (172). С. 117–125.

*Поступила в редакцию 04.09.2017
Принята к печати 09.01.2018*

Maria V. Tkachenko

*Institute of Russian Literature (Pushkin House),
Russian Academy of Sciences
St Petersburg, Russia*

THE LITERARY WORKS OF SERGE CHARCHOUNE: A BRIEF REVIEW OF STUDIES

This article is a brief review of studies devoted to the literary works of Serge Charchoune. Sergei (Serge) Charchoune has been well-known as an abstract painter closely connected with the movements of Dadaism and Surrealism for a long time now. For a number of decades he took part in various exhibitions. There are a lot of articles, catalogues and books concerning his paintings. However, Charchoune left a lot of texts in both Russian and French. The author focuses on articles of domestic and foreign researchers that, however few they might be, demonstrate the main issues of the literary oeuvre of this émigré artist.

The studies considered in the article show the peculiarities of Charchoune's poetics and the genesis of his ideas. They determine the sources of Charchoune's unique artistic manner ranging from avant-garde experiments to the traditions of classical Russian literature. The author considers the genre peculiarities of the epic *The Character is more Interesting than the Novel* and the role of magic realism in his creative work. The author also analyses his works from the point of view of their narrative structure and the features of their autobiographical space. Much attention is paid to the intertextual analysis of Charchoune's solipsistic narrative *Right Road* and its explicit and implicit intertextual references. Another equally important aspect is Charchoune's role in Gatarapak, a literary and artistic group, and in Palata poetov (The Chamber of Poets) and his participation in the French-Russian cultural dialogue.

The author aims to give an analysis of research works devoted to the literary heritage of Serge Charchoune and provide an overview of approaches to the interpretation of his creative manner.

Key words: Sergei (Serge) Charchoune; literature of the Russian abroad; avant-garde; Dada; Surrealism; magic realism.

Citation: Tkachenko, M. V. (2018). Literaturnoe tvorchestvo S. I. Sharshuna: obzor nauchnyh issledovanij [The Literary Works of Serge Charchoune: A Brief Review of Studies]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 20, 1 (172), 117–125.

Submitted on 04 September, 2017

Accepted on 09 January, 2018

Сергей (Серж) Шаршун на сегодняшний день известен как представитель первой волны русской эмиграции, художник-абстракционист, чьи полотна занимают почетное место в самых престижных галереях Европы. Творческий путь С. И. Шаршуна-художника начинался с восприятия широко распространившихся в начале прошлого столетия традиций фовизма и кубизма и завершился

формированием самобытного стиля, синтезирующего различные тенденции авангардистских движений.

Подобная оптика характеризует не только художественное, но и литературное наследие русского писателя, которое насчитывает многочисленные повести, романы, драмы, поэмы, листовки, эссе.

Несмотря на довольно обширный материал для исследования, творчество Шаршуна довольно редко становится его предметом. Напротив, в научной литературе его имя часто встречается среди художников и писателей, которые в настоящий момент пребывают практически в полной неизвестности.

Тем не менее, нельзя сказать, что жизненный и творческий путь Шаршуна-писателя был полностью предан забвению. В незначительном, на первый взгляд, количестве статей и очерков, посвященных анализу его творчества, раскрыто множество аспектов его литературных произведений: от автобиографического подтекста и сквозных мотивов солипсической эпопеи «Герой интересней романа» до интертекстуальных связей.

В одной из статей Рене Герра [1976] освещается проблема истоков творчества писателя. Исследователь определяет довольно обширный спектр таких влияний: от классического искусства до авангардистских концепций. Сочетание столь разнообразных и противоречивых тенденций автор объясняет духовной организацией самого Шаршуна, который в процессе создания произведения руководствовался не столько рассудком, сколько впечатлением. Фиксация музыкальных мотивов, склонность к пребыванию в сфере зыбкого и едва уловимого, растворяющего всякую форму, определили особую связь писателя с водной стихией, в которой исследователь видит своеобразную визуализацию процесса духовных поисков.

Главным истоком творчества Шаршуна Р. Герра считает «хаотическую русскую натуру» [Герра, с. 143], которая адаптируется им к требованиям западно-европейской точности. Всю совокупность влияний западной традиции Герра группирует вокруг центрального мотива — возврата к истокам, к России. Актуализация творческого потенциала писателя, таким образом, происходит в пространстве соприкосновения двух культур, составляющем экзистенцию «чужого». Все событийные точки биографии Шаршуна аналогичным образом интерпретируются как поиск «эквивалентов» утраченной родины [Там же, с. 144–145].

В научно-исследовательской литературе имя Шаршуна неоднократно упоминается в связи с «магическим реализмом». Г. П. Струве сопоставляет особенности репрезентации действительности в романе «Путь правый» и поэме «Долголиков» с определением «магического реализма», данным Э. Жалу, и ставит вопрос о возможности воплощения его принципов в дневниковой литературе. В представлении исследователя, позиция отстранения, занимаемая автором с целью поиска лирического компонента реальности, в какой-то мере противоречит законам жанра «человеческого документа», поэтому избранный Шаршуном метод протоколирования оборачивается вытеснением искусства «сырым материалом жизни» [Струве, с. 301].

Анализ поэтического языка и концептуального содержания произведений Шаршуна представлен также в работах Темиры Пахмусс [Пахмусс, 1989; 1994]. Исследовательница видит писателя как бы находящимся на распутье двух авангардистских течений. Наличие такого рода противоречий при выявлении эстетических положений, составивших идейную базу его творчества, отчасти снимается позицией, с которой автор анализирует взаимоотношение дадаизма и сюрреализма. В жестком противопоставлении двух школ Пахмусс усматривает явное преувеличение и отмечает наличие некой диалектичности, с большей степенью адекватности, нежели поляризация, отображающей процессы их становления и взаимовлияния [Пахмусс, 1994, с. 176].

Такие черты «эстетики восстания» [Пахмусс, 1989, с. 268], как нестройность, разрушение структуры текста, отсутствие хронологической последовательности событий, находят, согласно Пахмусс, частичное воплощение в прозе русского эмигранта, для которого дадаизм лишь послужил отправной точкой в процессе становления его собственного творческого метода.

Несмотря на отрицание Шаршуном причастности сюрреалистическим идеям, Пахмусс выявляет ряд параметров художественного текста, анализ которых дает возможность найти в его произведениях ядро поэтики «литературы бунта» [Пахмусс, 1994, с. 176], состоящее из таких принципов, как алогизм, апелляция к бессознательному, нацеленность на поиски специфически человеческого начала.

Так, отсутствие у писателя веры в логическую структуру мира предстает импульсом к поиску «более оригинальных форм для изображения смысла и назначения искусства» [Там же]. Результатом описанного процесса становится не только постулирование новаторства как одного из центральных принципов авангардистской поэтики, но и появление новой практики говорения о сущем. Использование Шаршуном «автоматического письма», присутствие в его текстах противоречий, несоответствий и скрытых лингвистических средств имеют в качестве источника действие бессознательного и определяют, по мнению Пахмусс, жанровое своеобразие произведений. Концентрация исключительно на опыте субъекта, представленная в форме «монолога автора о самом себе» [Там же, с. 180], ставит перед ученым проблему отчуждения индивида от общества. Исключение героя из совокупности «нормальных» отношений представляется автору исследования методом «обнажения» его натуры, поиска своеобразной антропологической константы.

Анник Морар вводит в поле научного исследования ранние тексты Шаршуна, написанные на французском языке. В ее исследовании творческий процесс обращается актом «насилия» над языком [Morard, 2008, p. 50], которым на момент прибытия в Париж Шаршун не владел. Его усвоение писателем носило преимущественно стихийный аудиальный характер, о чем свидетельствует наличие орфографических ошибок в поэме «Foule immobile» («Неподвижная толпа»). Таким образом, не будучи франкофоном, он, сознательно или же неосознанно, реализует один из фундаментальных принципов поэтики дадаизма — нарушение синтаксической и семантической структуры языка.

Однако дадаистическое постулирование абсолютной творческой свободы, согласно Морар, неизбежно влечет за собой ряд трудностей текстологического характера. Проблема, которая в данном случае будет иметь место при подготовке текста к изданию, заключается в невозможности отделить случайные ошибки от сознательных искажений. Тем не менее, именно в явном пренебрежении к орфографии автор усматривает ту специфическую черту раннего творческого периода писателя, которая отличает его от французских дадаистов.

Другая статья швейцарской исследовательницы отсылает читателя к специфике нарративных структур автобиографического текста [Морар, 2010]. Морар утверждает, что имманентными чертами такого рода произведений являются «автобиографический пакт», выступающий гарантом соответствия изложенного материала реальности, и совпадение инстанций главного героя и рассказчика [Там же, с. 131].

Мемуаристика русской эмиграции отличается избыточностью вымысла и по этой причине не поддается строгой категоризации. Нарушение границ жанра детерминировано конкретной целью – построением «амбивалентного автобиографического пространства» [Там же, с. 132]. Последнее характеризуется перманентным присутствием личности, имеющей «гибридную и незавершенную основу» [Там же] и находящейся в разной степени удаленности от автора. Структура и проблематика «воспоминаний» определяются их направленностью на акт высказывания, вызванной ситуацией неопределенности и попытками ответить на вопрос «Кто мы?». Шаршун дает ответ на этот вопрос в пространстве художественного текста. Этим, согласно Морар, объясняется совпадение фабулы и биографии, а также эффект «присутствия» в тексте произведений Шаршуна авторской личности. Другими словами, произведения писателя суть не что иное, как «эгословесность» [Там же, с. 133], облеченная в форму повести или романа.

В то же время исследовательница выделяет ряд элементов, препятствующих полному отождествлению автора с главными героями солипсической эпопеи. Расположение нарратора и героя на разных уровнях иерархии, неопределенность самих персонажей, пребывающих в бесконечном становлении, смутность и многоплановость повествования затрудняют определение авторской позиции. Архитектоника эпопеи в целом, а также многочисленные частные изменения, которые регулярно вносились Шаршуном в структуру текстов, приводят Морар к выводу о преследовавшей его необходимости «фикционализации самого себя»¹ [Там же, с. 137].

Многие произведения Шаршуна характеризуются обилием интертекстуальных включений. На раннем этапе творчества источником его вдохновения стала богемная среда Парижа. Однако исследователями было отмечено не только наличие общих мотивов с «классиками» дадаизма и сюрреализма. Его проза также изобилует реминисценциями из Данте, Ж.-Ж. Руссо, Ж.-К. Гюисманса и др. Посещение писателем антропософского кружка оказалось не менее

¹ Эта проблема также рассматривается в другой статье А. Морар: [Morard, 2013].

важным для формирования концептуального содержания некоторых его произведений.

Практически все перечисленные влияния в той или иной степени были затронуты в обширной статье Марии Рубинс [2007]. В центре внимания ее автора находится совокупность интертекстуальных включений солипсического романа Шаршуна «Путь правый». Сюжетная линия произведения, разворачивающегося «почти исключительно в умозрительном пространстве» [Рубинс, с. 314], интерпретируется Рубинс как процесс поступательного духовного преображения героя, достигающий кульминации в приобщении к антропософским идеям и завершающийся аскетизмом. Мотив трагической любви в сочетании с мистическим опытом отсылает читателя к упоминаемым в тексте Данте и Петрарке. Описание неврастенических состояний, лихорадки, ощущения тревоги представляют собой аллюзии на произведения Бодлера и Верлена.

Помимо межтекстовых связей, устанавливаемых самим Шаршуном, Рубинс выделяет имплицитный уровень интертекстуальности, позволяющий декодировать сюрреалистический дискурс произведений. Очевидным, по мнению автора, является влияние на Шаршуна Бретона, Супо, Арагона, создавших «новый тип фланера» [Рубинс, с. 319], гуляющего по ночному Парижу. Рубинс также видит схожесть репрезентации духовного восхождения романа «Путь правый» с процессом инициации, описанным Бретоном в его романе «Надя».

Поиски Шаршуном источников вдохновения в его первоначальном окружении, обусловившие многочисленные аллюзии и пародии на современников-авангардистов, стали предметом исследования Анник Морар, направленного на анализ эстетической и социальной функций имени собственного в дадаистском тексте [Морар, 2008]. Если первая подразумевает пересмотр роли авторского имени для литературы и искусства, то вторая представляет собой процесс символического включения или исключения его из того или иного сообщества [Там же, с. 235–236]. В листовках Шаршуна Морар обнаруживает имена Пикассо, Ман Рэя, Андрея Белого и др. Причем наиболее частым является употребление автором собственного имени и координат, что наталкивает на мысль о своеобразной имитации включенности. В исследовании также описана схожесть образов, представленных в текстах Шаршуна и Тцара, и тема фрагментарности человека, заимствованная русским писателем у Супо и Элюара.

Влияние авангардистского окружения на раннее творчество Шаршуна несомненно. Однако не стоит забывать, что он является в первую очередь носителем русской литературной традиции.

Интертекстуальным связям поэмы в прозе «Долголиков» с русской классической литературой посвящена одна из глав кандидатской диссертации А. А. Рюкиной [2014]. Акцент на «внутреннем мире» личности, ставший одной из смысловых доминант его произведений, является, согласно автору, наследием психологического направления в русской литературе второй половины XIX в. В качестве типичного примера такого рода психологизма приводится

«подпольный человек» Достоевского, который «мифологизируется в эмигрантском сознании» [Рюкина]. Стилистический анализ текста направлен на установление связей прозы Шаршуна с творчеством А. А. Фета, которые проявляются в форме подражания импрессионистической живописи.

В монографиях, посвященных писателям русского зарубежья, Шаршун часто упоминается в связи с каким-либо масштабным событием, как один из участников глобального авангардистского движения. История раннего парижского периода эмигрантской литературы представлена в комментированном сборнике материалов Л. Ливака и А. Устинова [Литературный авангард...].

Леонид Ливак раскрывает прямую зависимость становления, расцвета и упадка искусства «русских поэтов-парижан» от этапов развития французской эстетической мысли [Ливак, с. 16]. Писательская манера ранних произведений Шаршуна формируется, согласно автору, под влиянием «уроков антиэстетизма» А. Кравана, знаменитых спектаклей «сезонов Дада» и атмосферы салона Ф. Пикабия [Там же].

Представленная Ливаком хронология деятельности Шаршуна в литературно-художественном кружке «Гатарапак» и парижской «Палате поэтов», имевших целью творческое и идеологическое сближение России и Франции, отражает процесс постепенного культурного и политического разобщения парижской эмиграции и сторонников «левого» искусства, приведший к самоизоляции последних.

Постепенная смена политических взглядов, по мнению исследователя, не сыграла значительной роли в творческой деятельности «поправившего» писателя, который остался «неисправимым авангардистом» и, приобщившись к идеям сюрреализма, заработал репутацию «русского Элюара» [Там же, с. 103].

В антологии Ливака и Устинова Шаршун фигурирует среди «создателей наиболее значительных произведений эмигрантской словесности» [Там же, с. 141], повлиявших на дальнейшее становление литературы русского зарубежья. В качестве отличительной черты творчества «младшего» поколения исследователи выделяют «радикальную эволюцию» 1920-х гг. [Там же, с. 142], которая дает возможность применения метода сравнительного анализа к ранним и поздним произведениям.

Из предпринятого нами, по необходимости беглого, обзора исследовательской литературы о С. И. Шаршуне следует, что его творчество неоднократно претерпевало подобные эволюции. Оно аккумулировало черты зачастую оппозиционных по своему идейному содержанию течений авангарда. Его открытость для экспериментирования сделала возможным синтез различных художественных методов, который стал для многих исследователей одной из фундаментальных характеристик его произведений.

Источники

Шаршун С. Магический реализм // Числа. 1932. № 6. С. 229–231.

Исследования

Герра Р. Профиль Шаршуна // Нов. журн. 1976. № 122. С. 142–150.

Ливак Л. «Героические времена молодой зарубежной поэзии». Литературный авангард русского Парижа (1920–1926) // Литературный авангард русского Парижа: История. Хронология. Антология. Документы / Л. Ливак, А. Устинов. М. : ОГИ, 2014. С. 11–144.

Литературный авангард русского Парижа: История. Хронология. Антология. Документы / Л. Ливак, А. Устинов. М. : ОГИ, 2014.

Морар А. Сергей Шаршун и французские дадаисты // Русские писатели в Париже: Взгляд на французскую литературу: 1920–1940 : междунар. науч. конф. / сост., науч. ред. Ж.-Ф. Жаккара, А. Морар, Ж. Тассис. М. : Рус. путь, 2008. (Библиотека-фонд «Русское Зарубежье» : материалы и исследования; Вып. 8). С. 231–249.

Морар А. Между автобиографией и вымыслом: творчество Сергея Шаршуна как опыт самопридумывания или автофикциональности // Мемуары в культуре русского зарубежья : сб. ст. / отв. ред. А. Данилевский. М. : Флинта : Наука, 2010. С. 131–137.

Пахмусс Т. Сергей Шаршун и дадаизм // Нов. журн. 1989. № 177. С. 269–276.

Пахмусс Т. Сергей Шаршун и французский сюрреализм // Записки Русской Академической группы в США. 1994. Т. 26. С. 163–184.

Рубинс М. Русский эмигрант на rendez-vous: Сергей Шаршун и его роман // Russian Literature. 2007. № 36 – 3. С. 309–340.

Рюкина А. А. Поэтика литературного творчества С. Шаршуна : дис. ... канд. филол. наук. Орехово-Зуево, 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/russkaja-literatura/pojetika-literaturnogo-tvorchestva-s-sharshuna.html> (дата обращения: 23.07.2017).

Струве Г. П. Шаршун // Струве Г. П. Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1984. С. 300–301.

Morard A. Serge Charchoune dadaïste, ou le français sans complexe // Les écrivains franco-russes. 2008. No. 318. P. 49–57.

Morard A. Serge Charchoune, a Literary Self-Portrait // James M., Morard A. Serge Charchoune. Edinburgh : Allander, 2013. P. 27–36.

References

Guerra, R. (1976). Profil Sharshuna [The Profile of Charchoune]. *Noviy zhurnal*, 122, 142–150. (In Russian)

Livak, L. (2014). “Geroicheskie vremena molodoi zarubezhnoi poezii”. *Literaturnyi avangard russkogo Parizha (1920–1926)* [“Heroic Times of Young Foreign Poetry.” Literary Avant-Garde of Russian Paris (1920–1926)]. In L. Livak, & A. Ustinov, *Literaturnyy avangard russkogo Parizha: Istoriya. Hronologiya. Antologiya. Dokumentyi* [Literary Avant-Garde in Russian Paris: History, Chronology, Anthology, Documents] (pp. 11–144). Moscow: OGI. (In Russian)

Livak, L., & Ustinov, A. (2014). *Literaturnyy avangard russkogo Parizha: Istoriya. Hronologiya. Antologiya. Dokumentyi* [Literary Avant-Garde of Russian Paris: History, Chronology, Anthology, Documents]. Moscow: OGI. (In Russian)

Morard, A. (2008a). Charchoune dadaïste, ou le français sans complexe [Charchoune as Dadaist, or French without a Complex]. *Les écrivains franco-russes*, 318, 49–57. (In French)

Morard, A. (2008b). Sergey Sharshun i frantsuzskie dadaisty [Serge Charchoune and French Dadaists]. In J.-F. Jacquard, A. Morard, & Zh. Tassis (Eds.), *Russkie pisateli v Parizhe: Vzgliad na frantsuzskuiu literaturu: 1920–1940: Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia* [Russian Writers in Paris: Considering French Literature: 1920–1940: International Scholarly Conference] (pp. 231–249). Moscow: Russkii put'. (In Russian)

Morard, A. (2010). Mezhdutobiografiei i vyimyslom: tvorchestvo Sergeya Sharshuna kak opyt samopridumyvaniya ili avtofiksionalnosti [Between Autobiography and Fiction: The Works of Serge

- Charchoune as an Attempt at Auto-Fiction]. In A. Danilevskiy (Ed.), *Memuaryi v kulture russkogo zarubezhya* [Memoirs in Russian Emigré Culture] (pp. 131–137). Moscow: Flinta; Nauka. (In Russian)
- Morard, A. (2013). Serge Charchoune, a Literary Self-Portrait. In M. James, & A. Morard, *Serge Charchoune* (pp. 27–36). Edinburgh: Allander.
- Pachmuss, T. (1989). Sergey Sharshun i dadaizm [Serge Charchoune and Dadaism]. *Noviy zhurnal*, 177, 269–276. (In Russian)
- Pachmuss, T. (1994). Sergey Sharshun i frantsuzskiy syurrealizm [Serge Charchoune and French Surrealism]. *Zapiski Russkoy Akademicheskoy gruppyi v SShA*, 26, 163–184. (In Russian)
- Rubins, M. (2007). Russkiy emigrant na rendez-vous: Sergey Sharshun i ego roman [A Russian Emigrant at a Rendezvous: Serge Charchoune and His Novel]. *Russian Literature*, 36 – 3, 309–340. (In Russian)
- Ryukina, A. A. (2014). *Poetika literaturnogo tvorchestva S. Sharshuna* [The Poetics of Serge Charchoune's Literary Work]. Retrieved from <http://www.dslib.net/russkaja-literatura/pojetika-literaturnogo-tvorchestva-s-sharshuna.html>. (In Russian)
- Struve, G. P. (1984). *Russkaja literatura v izgnanii: Opyt istoricheskogo obzora* [Russian Literature in Exile: An Attempt at a Historical Review]. New York: Izd-vo im. Chehova. (In Russian)

Ткаченко Мария Валерьевна
аспирант отдела новой русской
литературы
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
199034, Санкт-Петербург,
наб. Макарова, 4
E-mail: maryttv@gmail.com

Tkachenko, Maria Valeryevna
PhD Student,
Department of New Russian Literature
Institute of Russian Literature
(Pushkin House), Russian Academy of Sciences
4, Makarov Embankment,
199034 St Petersburg, Russia
Email: maryttv@gmail.com